

А.В. Смирнов

ЗАДАЧИ ЛОГИКИ СМЫСЛА (К ИТОГАМ ОБСУЖДЕНИЯ)*

Смирнов Андрей Вадимович – доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; главный научный сотрудник центра исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама». Российский университет дружбы народов. Российская Федерация, 117196, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: public@avsmirnov.info

Намечены задачи логики смысла в ближайшей, среднесрочной и долгосрочной перспективах. В ближайшей перспективе предстоит завершить набросок логико-смысловой карты четырех больших культур человечества (европейская, арабо-мусульманская, южноазиатская и дальневосточная), создав первое описание многообразия логик смысла. Оно должно включать указание на тот вариант (1) способности суждения, (2) базовых (неопределяемых) категорий теоретического, в т.ч. философского, мышления и (3) базовых логических (регулятивных) принципов, который лежит в основании любой данной большой культуры и задает ее характерную морфологию (Шпенглер), определяя все звенья эпистемной цепочки (основные из них – восприятие мира, речь, мышление). Предстоит также набросать логико-смысловую карту индивидуального сознания, которое принципиально открыто ко всем логикам смысла, развив линию психологических исследований В.К. Солондаева. Перспективным выглядит создание карты нейронных коррелятов логико-смысловых закономерностей функционирования сознания, если таковые будут обнаружены. Совмещение трех карт сознания: общественного, индивидуального и карты нейрокоррелятов даст новые результаты. В среднесрочной перспективе ставится задача разработать когнитивную историю философии. Эта дисциплина, выступающая как антипод аналитической истории философии, имеет задачей исследовать разворачивание историко-философского процесса в больших культурах и их подкультурах на основе и с использованием тех инструментов рациональности, которые заданы логикой смысла данной большой культуры (определенный вариант способности суждения, базовых категорий и базовых логических принципов). Когнитивная история философии объяснит историко-философский процесс в каждой большой культуре как, во-первых, самостоятельный в смысле несводимости к истории философии других

* Статья подготовлена в рамках Соглашения между Министерством науки и высшего образования и РФ и Российским университетом дружбы народов № 075-15-2021-603 по теме: «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии». Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

больших культур и как, во-вторых, непосредственно и органично встроенный в систему соответствующей большой культуры. В долгосрочной перспективе предстоит добиться конвергенции логики смысла и когнитивной истории философии с созданием на этой основе когнитивной философии, открывающей свободу смыслополагания благодаря раскрытию всех его закономерностей и овладению ими. Когнитивная философия – это логика смысла в ее полном объеме.

Ключевые слова: логика смысла, когнитивная история философии, когнитивная философия, большая культура, когнитивный опыт культуры, архив большой культуры

Для цитирования: Смирнов А.В. Задачи логики смысла (к итогам обсуждения) // Философский журнал / *Philosophy Journal*. 2022. Т. 15. № 4. С. 108–122.

Что должна сделать логика смысла в ближайшей, средне- и долгосрочной перспективе?

I. В ближайшей перспективе предстоит осмыслить когнитивный опыт четырех больших культур человечества: европейской, арабо-мусульманской, южноазиатской и дальневосточной – с целью набросать предварительную карту логик смысла.

Различие когнитивного опыта культур – факт, который сегодня не приходится доказывать. В результате исследований по культурной антропологии, в последние десятилетия сопряженных с когнитивистикой, материала собрано настолько много и он настолько интересен, а порой, без преувеличения, просто захватывает и интригует¹, что в нем непросто разобраться.

Добавим к этому гигантские массивы сведений, накопленных востоковедением за столетия его развития, но особенно – за последние полвека-век: это уже не просто данные, это полноценный архив текстов, материалов и свидетельств совершенно разного рода, можно сказать – комплексных, охватывающих все стороны неевропейских культур. Этот архив также требует упорядочения.

Как в этом необозримом материале, предоставляемом востоковедением, культурной антропологией и когнитивистикой, разобраться? Как в нем отделить значимое от незначимого, существенное – от второстепенного? Можно ли, и как именно, концептуально осмыслить шпенглеровскую «морфологию культуры» – ее, культуры, удивительную согласованность в разных, если не во всех, ее сегментах, которые развиваются независимо друг от друга, во всяком случае, не порождают друг друга? Откуда эта согласованность?

Нельзя же, в самом деле, считать, вслед за некоторыми современными идеологами, что культура или цивилизация – это «воображаемое сообщество»². Ничтожность этого взгляда не требует особых доказательств: такие утверждения возможны только в особой оптике, размывающей без остатка все культуры, кроме собственной, западной. Любая культура целостна, и эта целостность – никак не что-то воображаемое, а хорошо и прочно удостоверенное. Целостность культуры, во-первых, и различие таких целостностей (таких культур), во-вторых, – вот факты, именно факты, а не плоды воображения, которые требуют объяснения.

Ведь если сказать, что культура – это воображаемое сообщество, то этим никак не снимается вопрос о морфологии культуры. Даже если культура

¹ См., напр.: *Бородай С.Ю.* Язык и познание: Введение в пострелятивизм. М., 2020.

² См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

«воображаема», то почему носители культуры «воображают» ее такой вот целостностью? Почему они эту целостность ощущают и не соглашаются ее потерять? Говоря, что целостность культуры лишь воображаема, а не действительна, сторонники этого взгляда воображают, будто отсюда следует, что и заниматься этим вопросом не нужно; более того, этим надо не просто пренебречь, а сознательно такую целостность разрушить³. Но если «воображаемое» устойчиво, если оно воспроизводится в поколениях носителей культуры и если культура развивается и меняется, сохраняя эту якобы воображаемую целостность, – то разве одно это не требует внимательного и серьезного отношения к тому, чтобы раскрыть причины этой целостности?

Да и что за термин – воображаемое сообщество? А разве есть что-то не воображаемое? Разве мир вокруг нас не воображаем нами? Разве там есть действительное, а не воображаемое, журчание ручейка, пение птиц, утренняя прохлада, зелень распутившейся листвы, нежность крыльев бабочки? Конечно, ничего этого нет. Но нет даже твердых тел и тел жидких и газообразных, нет океанов и морей, нет вообще ничего – кроме уравнений современной физики. Верно? Ведь все это – воображаемое нами, «на самом деле» не существующее. Но что такое «на самом деле» – ведь и уравнения не существуют, а лишь воображаются нами? И главное – откуда взялись мы, эти уравнения воображающие, если нет ничего, кроме уравнений – а им нужны мы, их воображающие? Самый безвыходный, самоотсылающий солипсизм. Если скажут, что «это работает» – конечно, верно, это работает, поскольку превращается в технологии, но это никак не доказывает того, что все это – не воображаемое, а какое-то «настоящее». А главное – и морфология культуры работает, и еще как работает, сохраняя целостность культуры и обеспечивая ее самость при непрерывном изменении на протяжении веков.

Поэтому подлинная проблема и подлинный вопрос – вовсе не в том, чтобы отделить «настоящее» от «воображаемого»: такое разделение в обсуждаемом случае – мнимое, а не подлинное. Проблема в том, почему это «воображаемое», т.е. результат работы нашего сознания, результат смыслополагания, – почему это все таково, каково оно; почему оно работает – а оно работает, и целостность культуры устойчиво ощущается ее носителем, ревностно оберегающим ее границы⁴. Значит, вопрос стоит так: как результат

³ При этом могут занимать сверхобличительную позицию в адрес «европейских империалистов» в духе критического ориентализма; у того же Андерсона немало таких пассажей. Но это – не более чем идеологический шлак, призванный на деле именно объект критики укрепить, разрушив целостность других культур. И все это строится на ворохе высокомерных ошибок в представлениях о неевропейских языках, например, об арабском и его роли в культуре (Там же. С. 38). Позиция Андерсона как социолога предполагает, что общество воображаемо потому, что большинство его членов никогда не встречаются друг с другом и физически не входят в общение. Непонятно, на чем основано это утверждение: разве овладение языком, литературой, социальными навыками и т.п. не является общением, причем не только с нынешними, но и с прошлыми поколениями? Откуда ни посмотри, тезис о «воображаемости» сообществ просто никуда не годится, он не продуман. И тем не менее подхвачен пропагандистами и, к сожалению, некоторыми нашими политологами.

⁴ В полемике о вопросе нации и национализме Б.Г. Капустин остроумно привел известное высказывание К. Маркса о воображаемых талерах и воображаемых богах как аргумент *против* легковесного устранения «воображаемых» категорий из политического поля (Капустин Б. Законодательство истины, или Заметки о характерных чертах отечественного

работы нашего сознания, как устройство смыслополагания становится такой действительностью, которую невозможно пересилить?

Здесь – принципиальная точка развилки. Отвечая на заданный вопрос, можно пойти по пути признания изначальной и неустранимой множественности логик культур. Тогда мы принимаем, что целостность культуры, ее «морфология» задается и определяется ее логикой, а ее якобы закрытость от других культур, от постороннего взгляда объясняется фундаментальной инаковостью их базовых логик. В таком случае постижение культуры – это прежде всего постижение той логики, на которой она основана: это – ключ, открывающий все двери культуры. И именно этим – этой логикой – будет определяться когнитивный опыт любой данной культуры: тогда накопленный материал получит тот стержень, вокруг которого сможет сосредоточиться и рассредоточиться, расположив себя в определенном порядке.

Если мы можем указать такую базовую логику смыслополагания, то это – *большая культура*, включающая в себя многие подкультуры, которые могут возникать и исчезать, присоединяться к ареалу данной большой культуры или отсоединяться от него: большая культура от этого не теряет своей устойчивости. Такой большой культурой является европейская, включающая, от Древней Греции до сегодняшнего дня, множество подкультур с их динамикой. Такова арабо-мусульманская большая культура, исходно созданная усилиями трех больших этносов: арабов, иранцев и тюрок, при ведущей, стержневой роли арабского языка и арабоязычной культуры. Арабо-мусульманская большая культура включала присоединявшиеся к ней новые подкультуры или, напротив, теряла их, сохраняя свою устойчивость благодаря сохранению ведущей логики смыслополагания. Точно так же дальневосточная и южноазиатские большие культуры включают определенное, но подвижное множество подкультур: определенное принятием базовой для этих больших культур логики смыслополагания, подвижное за счет свободной динамики подкультур. Базовые логики этих двух больших культур предстоит точно определить в ближайшей перспективе в качестве первого шага к составлению логико-смысловой карты культур человечества.

Таков первый путь. Это путь логики смысла. Он открыт, но мало хожен. В этом его трудность, но в этом и его преимущество: неизведанная земля, куда еще не заглядывал в массовом порядке разум европейского исследователя, таит множество интересных, удивительных открытий. Как встать на этот путь и как по нему продвигаться – об этом я скажу чуть ниже.

Второй путь хорошо известен – это путь традиционной европейской философии. Здесь другой исходный пункт: разум универсален, а значит, и логика культуры (если представители этой точки зрения вообще согласятся использовать такое словосочетание) универсальна. Морфология культуры – это нечто второстепенное в сравнении с сущностным единством всех культур, которые представляют собой не более чем некий «нарос» на теле общества и цивилизации, развивающихся по общим объективным законам, тогда как культура обладает большой степенью автономии и свободы

дискурса о нации и национализме // Логос. 2007. № 1 (58). С. 114). Но моя позиция иная: дело не в том, что вера в подлинность воображаемого заставляет массы людей совершать действительные поступки, дело в том, что якобы воображаемое на самом деле действительно. В случае морфологии культуры это именно так – об этом ниже.

субъективного выбора. Различия когнитивного опыта культур тогда оказываются чем-то второстепенным в сравнении с сущностными, базовыми когнитивным навыками, общими для всех. И тогда накопленный материал когнитивистики и востоковедения остается грудой неразобранных диковин, годных для кунсткамеры, но не встраивающихся в ведущую парадигму и не имеющих решающего значения для понимания того, что такое человеческое сознание и как оно работает.

Первый путь давно предуказан Н.Я. Данилевским, точно обозначившим противопоставление и несхождение двух путей через категориальную пару «всечеловеческое и общечеловеческое». Суть всечеловеческого – в собирании разнологичного, изначально несводимого и не располагаемого на одной линии; линейно не сравнимого. Как собрать и что такое «собрание» – вот вопрос для логики смысла, на который надо отвечать. Такого вопроса не стояло перед традиционной философией, поэтому она и не знает на него ответа. Значит, это – вызов, на который можно отреагировать только творчески, создав и открыв то, чего до сих пор не было (кто говорит, что в философии не может быть открытий?). Это – первостепенной важности задача, которую логике смысла предстоит решать, пусть не в ближайшей, но в средне- и долгосрочной перспективе. Она, однако, должна быть ясно обозначена с самого начала как принципиальная и базовая задача.

«Европа и человечество»⁵, вслед за «Россией и Европой»⁶, – произведение, разрабатывающее первый путь. Н.С. Трубецкой, как и его предшественник, обосновывает положение, которое может служить хорошим операциональным критерием различения первого и второго путей и которое имеет прямое отношение к обсуждению современных подходов к сознанию. В качестве такового выступает вопрос: *есть ли в опыте неевропейских культур что-то, чего Европа не способна достичь собственными силами*, хотя может эти чужие достижения воспринять и освоить? Вот простой вопрос, по сути тот же самый, что заданный выше об основании «морфологии культуры», но отправляющий нас уже к материалу, а не к логике культуры.

В самом деле, есть ли что-то в когнитивном опыте неевропейских культур, что принципиально недоступно европейскому мыслителю, в т.ч. философу, до тех пор, пока он не познакомится с этим опытом? Ответ на этот вопрос ясно разделяет два пути: путь всечеловеческого и путь общечеловеческого.

Если каждая большая культура, как говорилось выше, основана на собственной логике, то ответ положительный. Таков первый путь. Если логика культуры, общества и цивилизации универсальна и безальтернативна (универсальна в смысле линейного универсализма – об этом более подробно ниже), то ответ отрицательный. Тогда – второй путь, хорошо известный философии, по которому идут и т.н. цивилизационные теории. (Поэтому относить теорию Данилевского к числу «цивилизационных» – значит не понимать самую ее суть. И он, и Н.С. Трубецкой – явления другого ряда, нежели Шпенглер, Тойнби и др.)

Начальный выбор пути на обозначенной развилке имеет прямое отношение к вопросу о том, как прочитывать накопленный архив данных

⁵ Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София, 1920.

⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. СПб., 1895.

антрополого-когнитивных исследований и архив востоковедения. Подходим ли мы к нему с презумпцией того, что уже обладаем всеми интеллектуальными инструментами, нужными для его прочтения, переработки, усвоения? Или же мы исходим из того, что мы не обладаем необходимыми инструментами разума *a priori*, которые были бы пред-заданы и пред-посланы неевропейским архивам? В таком случае эти априорные инструменты (а они априорны в кантовском смысле) следует выработать в ходе чтения этих архивов⁷.

Эта работа уже начата, но ее предстоит развернуть систематически в отношении архивов всех доступных больших культур.

Например, чтобы прочитать архив арабо-мусульманской большой культуры, надо вместе с ней (одновременно с чтением этого архива) выстроить то, что ал-Джабири называл «арабский разум»⁸, – выстроить априорные инструменты рациональности, которые позволят прочитать этот архив адекватно, т.е. избегая базовых сломов (слома логики или слома содержательности, когда то или другое, либо оба сразу, объявляются не вмещающимися в объяснительные схемы европейской рациональности) и сохраняя морфологию этой культуры.

Как это сделать?

Ключ ко всему – то, что Кант назвал способностью суждения. Он считал ее инвариантной, не дающей априорных законов и заключающейся в том, чтобы подводить предикат под субъект⁹. Кант не видел здесь проблемы в том смысле, что само это «подведение» оказывается у него как будто самоочевидной процедурой, во-первых, и процедурой инвариантной, во-вторых. Отсюда, с этих «во-первых» и «во-вторых», мы и должны начать.

То, что для европейского мышления выступает как подведение предиката под субъект, т.е. как субъект-предикатная склейка, обеспечиваемая связкой «есть», обозначим более неопределенным выражением «что-и-какое». «Что-и-какое» может быть конкретизировано как субъект-предикатная склейка, а может быть конкретизировано и иначе. Главное, что такой способ выражения сути способности суждения не закрывает пути к пониманию суждения как подведения предиката под субъект, выражаемого формулой

⁷ Здесь нет противоречия. Приступая к освоению архива другой большой культуры, мы всегда уже обладаем априорными инструментами разума, необходимыми для его прочтения (но не для понимания). Эти инструменты даны нам собственной большой культурой: категории единого и множественного, целого и части, субъекта и предиката, материи и формы, законы тождества, противоречия и исключенного третьего, способность суждения и т.д. и т.п. Проблема в том, что эти инструменты не позволяют прочитать архив другой культуры *адекватно*. Значит, нам следует «на ходу», в лабораторных условиях воспроизвести тот опыт, который приобретает любой человек, естественно социализируясь в большой культуре. Мы должны как будто бы социализироваться, например, в арабо-мусульманской большой культуре, впитав ее культурные практики и тем самым восприняв ее априорные инструменты рациональности: ее систему базовых категорий и базовой логики. Вариативность априорности – вот в чем дело и вот в чем отличие позиции логики смысла от кантовской.

⁸ См.: Ал-Джабири М. Фикховый разум: легитимация легитиматора // Исламская мысль: традиция и современность. Религиозно-философский ежегодник. Вып. 2. М., 2017. С. 273–300; Он же. Мы и наследие // Исламская мысль: традиция и современность. Религиозно-философский ежегодник. Вып. 6. М., 2022. С. 419–444; Фролова Е.А. Дискурс арабской философии. М., 2016. С. 24–30, 216–218.

⁹ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 5. М., 1966. С. 107–108, 174–181.

«S есть P», но открывает и другие возможности. Мы теперь можем выдвинуть три тезиса.

1. «Что-и-какое» – такая точка, в которую сворачиваются наши базовые познавательные способности. В самом деле, «что-и-какое» – это вещь, такая, какой мы ее воспринимаем. Ведь мы не воспринимаем просто некое «какое» – некие разрозненные качества белизны, например, или длины, или сладости, или шершавости и т.д. Если такое и можно представить, то мы всегда собираем разрозненные качества вокруг некоего стержня, вокруг некоего «что», которое, обрастая этими качествами – этими «какое», – становится таким образом *вещью*.

Значит, самая первая когнитивная способность – это способность сообразить вещь как «что-и-какое». Вероятно, эта способность роднит человека и многих животных, но одинаково ли она действует у людей и животных – это вопрос, на который предстоит ответить. Во всяком случае, главное заключается в том, что восприятие вещи – это сложное когнитивное действие *полагания* «что-и-какое». В мире нет вещей – там есть то, что фиксируют датчики физических приборов. Вещи – результат применения нашей способности полагать «что-и-какое».

Далее, применение этой способности дает нам не только восприятие отдельной вещи, но и мира как связности вещей. Связность заложена в «что-и-какое», составляет сердцевину этой нашей способности: «что» неотъемлемо от «какое», но вместе с тем никогда с ним не сливается. Способность к связности и есть *главная* отличительная черта сознания; а в той особой форме, в какой этой способностью обладает человек, она отличает его сознание от сознания животных. Способность к связности и есть тем самым *главная* когнитивная способность, обеспечивающая другие когнитивные функции и таким образом нанизывающая их на один стержень, сцепляющая их в последовательную цепочку.

Такую цепочку условно-восходящего усложнения когнитивных функций можно называть эпистемной цепочкой. Эпистемная цепочка – это цепочка *разворачивания* связности «что-и-какое», сначала как полагания вещи и множественности вещей, затем – как разворачивание обыденной речи, и наконец – как логически-ответственное теоретическое мышление.

Эпистемная цепочка, таким образом, обеспечивает связность человеческого сознания. Сознание не является лишь набором модулей или аппаратом для выполнения когнитивных функций; неточным будет рассмотрение его как чего-то «единого» или чего-то «множественного». Сознание *связно*; а связно оно в силу того, что главную свою способность, способность к связности, оно разворачивает во все более сложных формах, «наращивая» эпистемную цепочку. Уловить связность сознания можно, проследив это разворачивание; но это совершенно не то же самое, что уловить единство или собрать множественность частей в целое.

Выше был поставлен вопрос: почему большая культура, которую Андерсон считает воображаемым сообществом, на самом деле подлинна; если она – результат работы сознания, то что делает ее действительностью? Теперь мы можем ответить на этот вопрос. Большая культура – результат разворачивания эпистемной цепочки, а значит, институты общества и сегменты культуры заданы этой цепочкой и развернуты как ее звенья. Стержневая роль эпистемной цепочки в большой культуре сполна разъясняет загадку «морфологии культуры». Все это означает, что нет и не может быть эстетики,

этики, политики, права, социологии и т.д. и т.п. «вообще»: каждая из названных или не названных областей культуры и институтов общества, как и само общество, определены той логикой смысла, которая лежит в основе данной большой культуры. Прослеживание этой определенности – новое и плодотворное поле исследования.

2. Итак, все дело в исходной связности. Но что это такое и откуда эта способность?

Человек социализируется в той или иной большой культуре: иначе человек непредставим. Большая культура воспроизводит себя системой культурных практик. «Сжатые», выпаренные до сухого остатка практики большой культуры задают *интуицию связности*. Связность интуитивна; но отсылка к интуиции – это не отсылка к чему-то непонятному или «потустороннему», это вполне объективная отсылка к практикам большой культуры, которые воспитывают и развивают сознание любого отдельного человека. Мы привыкли к мысли, что языком можно овладеть только в обществе, только за счет практик большой культуры. Тем более смыслополаганием, одним из проявлений которого служит использование языка, можно овладеть только через практики большой культуры. Интуиция здесь – иное название для автоматически применяемых, ставших сами собой разумеющимися операций, которые в силу частоты повторения уже не нуждаются в сознательном контроле и как будто выпадают из области ясного сознания. Так у опытного велосипедиста или автомобилиста машина «сама едет», куда надо, а он лишь не мешает ей это делать. Так и наши «само собой» и «иначе быть не может»: такого рода очевидности – интуиции, представляющие собой застывший осадок многократно повторенных практик нашей большой культуры.

Интуиция связности получает свое выражение; для европейской большой культуры это – пространственная интуиция, а для арабо-мусульманской – интуиция протекания действия¹⁰. Первая задача, следовательно, – обнаружить и вывести на свет те интуиции связности, что задают полагание «что-и-какое» в южноазиатской и дальневосточной больших культурах. Решающее слово здесь – за философами-востоковедами: только они могут довести до ясного осознания интуиции связности, воспроизводимые практиками этих двух больших культур. Но после того, как это сделано, с этим могут работать философы и ученые невостоковедных специальностей: интуиции связности сложны в плане открытия, но принципиально доступны осознанию любого человека, когда выявлены и показаны «в материале».

Значит, задача предварительного логико-смыслового картирования больших культур человечества на первом этапе сводится, во-первых, к тому, чтобы выявить исходную интуицию связности для южноазиатской и дальневосточной больших культур, и, во-вторых, верифицировать результаты установлением эпистемной цепочки этих двух больших культур через прочтение их архивов. Одновременно предстоит работать и над прослеживаем связности европейской и арабо-мусульманской больших культур на основе выявленных для них эпистемных цепочек.

Это значит, что нам предстоит показать разворачивание особого способа полагания «что-и-какое» на всех обозначенных уровнях: полагание вещи

¹⁰ См., напр.: Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М., 2021. С. 86–99, 167–215.

и полагание мира как связности вещей (картина мира, обыденная и теоретическая); речь и язык; теоретическое мышление, включая логику; «высокие этажи» культуры: системы наук и невербальные практики, включая искусство. Это и будет установлением связности культуры на основе определенной логики, заданной исходной для данной большой культуры интуицией.

Так будет составлена первая из двух карт – логико-смысловая карта больших культур. Ее можно назвать также логико-смысловой картой общественного сознания человечества.

Но предстоит работа и над второй картой – над логико-смысловой картой индивидуального сознания. Здесь ситуация следующая. С одной стороны, любое индивидуальное сознание находится под определяющим воздействием той большой культуры, в которой социализировался данный человек. С другой стороны, сознание человека всегда принципиально открыто ко всем логикам смысла. Значит, необходимо составить логико-смысловую карту индивидуального сознания. Работа в этом направлении только начата (В.К. Солондаев), и здесь предстоит ответить на многие вопросы. Можно ли выделить особые нейронные группы или цепи, которые формируются «под» ту или иную логику смысла? Есть ли, иными словами, нейронный коррелят логико-смысловых закономерностей работы человеческого сознания? Сегодня когнитивные функции выделяются и анализируются как некий абсолют, в модусе «вообще». Оправдано ли это? Можно ли говорить о логико-смысловой основе отправления тех или иных функций сознания (принятие решений, оценка ситуации, т.д.)? Исследования В.К. Солондаева позволяют предположить, что верен положительный ответ на этот вопрос. Если это так и если удастся расширить список логик смысла, когнитивные и психологические исследования только выиграют от возможности учитывать логико-смысловую определенность и обусловленность работы сознания.

Эти две логико-смысловые карты общественного и индивидуального сознания могут и должны быть совмещены, наложены друг на друга. Ведь индивидуальное сознание всегда погружено в общественное, а общественное определено индивидуальным. Взаимное влияние, борьба и взаимодействие тоталитарного стремления любой большой культуры навязать единственный вариант логики смысла (тот, что лежит в ее основе) и неистребимая свобода индивидуального человеческого сознания выбирать между логиками смысла способны задать интереснейшую и увлекательнейшую игру.

3. Разум – это способность работать со связностью, и инструменты разума – это инструменты работы со связностью. Коль скоро эпистемные цепочки разворачиваются из *той же* точки исходной связности, *иначе* представленной (связность *неинакова* в отношении себя самой, связность и есть *то же иначе*), то и то, что было названо «инструменты разума», окажется одним из звеньев этих эпистемных цепочек. Вот почему инструменты разума, априорные в отношении архива большой культуры, должны быть «извлечены», вычитаны из самого этого архива – в том случае, если мы как исследователи не принадлежим данной большой культуре и, следовательно, не обладаем этими инструментами как результатом естественной социализации.

В прочтывании архива большой культуры все имеет значение, и в конечном счете от любого ее сегмента можно проложить путь к исходной связности и к априорным инструментам разума. Но короткий и ясный (что

не означает «простой») путь – через те категории, которые отвечают в данной большой культуре за понимание вещи, во-первых, и за выстраивание ансамблей вещей, во-вторых. В европейской большой культуре это – категории сущности и явления, формы и материи, идеального и материального, во-первых, и категории части и целого, единства и множественности, во-вторых. (Это может быть не исчерпывающим списком, но списком во всяком случае необходимым.) Понимание этих категорий напрямую зависит от исходной интуиции связности (о ней было сказано выше) в ее пространственном толковании, характерном для европейской большой культуры. И уже от этого, т.е. от базового набора категорий, соотношенного с исходной интуицией связности и базовыми когнитивными операциями полагания «что-и-какое» как вещи и как ансамбля вещей, пролегает путь к способности суждения, к логике, к метафизике и другим разделам философии, к наукам, к организации языка и речи. Все это – полагание «что-и-какое», т.е. разворачивание исходной интуиции связности.

Названное положение звучит весьма необычно для европейского философского слуха, для которого привычные инструменты разума обладают универсальным характером и изучаются в качестве «философии как таковой», в качестве инструментария «мышления как такового». Но если эпистемная цепочка построена как разворачивание «что-и-какое» на основе другого варианта интуиции связности, например, интуиции протекания действия между исходной и воспринимающей сторонами, как в арабо-мусульманской большой культуре, то и базовый инструментарий будет выглядеть иначе. Тогда ведущими оказываются категории *захир-батин* (явное-скрытое), процессуальная связанность которых дает понимание вещи (так строятся определения в науке, на этом основаны рассуждения, т.д.), а ансамбли вещей понимаются как «ветвление» (*тафри*'), т.е. выведение ветвей из корня, так что второй базовой категориальной парой будет '*асл-фар*' (корень-ветвь). Чтобы видеть, что соотношение «явное-скрытое» – это никак не явление-сущность и не что-то подобное, а «корень-ветвь» – это не общее-частное и не целое-часть, необходимо истолковывать эти понятия (явное и скрытое, корень и ветвь), располагая их на той эпистемной цепочке, которой они принадлежат, а значит, раскрывать их смысл через конечную отсылку к исходной интуиции связности как протекания и благодаря этому руководствоваться той логикой, которой эти категории заданы. В этом и заключается смысл понятия «адекватное истолкование», которым я уже пользовался. Мы можем точнее обозначить его как включение понимаемого и истолковываемого текста (в широком смысле слова «текст») в ту эпистемную цепочку, в которой этот текст создан. Значит, заведомо неадекватным будет любое понимание и истолкование, не учитывающее разницы эпистемных цепочек, в которых текст создан и истолкован, если они разные.

Другой путь к исходной связности – через язык и речь. Ведь речь – это связность в едва ли не самом наглядном ее виде. Если изучаемая большая культура имеет развитую автохтонную традицию описания собственного языка, это окажет существенную помощь в данной работе.

Благодаря этому окажется возможным выявить тот вариант применения способности суждения, который соответствует данному способу полагания связности. Это значит – выявить в полной мере логику как разворачивание связности, включая способ организации доказательства. Например, для того варианта связности, который построен на исходной интуиции протекания,

доказательство строится не на отнесении к классу и не на иерархии классов, а на особых сцеплениях цепочек протеканий действий.

Это только отдельные примеры, но они дают неплохое представление о том, как когнитивные функции – и базовые, и второстепенные – определены логикой смысла. Наше сознание целостно и связно, и никакой аспект его функционирования не может быть вырван из общей логико-смысловой его картины (или, как мы говорили, карты).

Таковы ближайшие задачи логико-смыслового исследования. Они раскрыты настолько подробно, насколько это позволяет формат статьи в панельной дискуссии. О средне- и долгосрочной перспективах остается сказать лишь несколько слов.

II. Выполнение ближайших задач: набрасывание логико-смысловых карт больших культур человечества и индивидуального сознания и работа с ними будет означать переход от истории философии как описания философских традиций (европейской и неевропейских) с линейно-универсалистских позиций, т.е. с позиций какой-то одной логики смысла, принимаемой за универсальную, к их описанию на основе их собственных инструментов разума – исходных категорий, базовых логических принципов и конкретного варианта способности суждения. Это – задача создания *когнитивной истории философии*, которая будет решаться в среднесрочной перспективе.

Когнитивная история философии составит своего рода антипод аналитической истории философии¹¹. Последняя полагает неоспоримой собственную способность прочесть архив любой культуры и любой эпохи и осовременить его, переложив на собственный понятийный язык. Аналитическая история философии исходит, таким образом, из того, что, во-первых, ее язык – наиболее пригодный для изложения любых проблем, во всяком случае, по состоянию «на сегодня»; и что, во-вторых, всегда возможен перевод на этот универсальный язык с любого другого понятийного языка без потерь, во всяком случае, без принципиальных и концептуально значимых потерь. Эти презумпции аналитическая история философии разделяет с материнской аналитической философией как таковой. Но они не выдерживают критики: когда эпистемные цепочки построены на разных вариантах связности, прямой перевод (т.е. прямое соотнесение, будь то приравнивание или любое другое отношение) между ними невозможен, поскольку не будет учитывать различия в принципах организации связности. Значит, единственно правильной оказывается другая стратегия, описанная выше, на которой и будет построена когнитивная история философии.

III. В *долгосрочной перспективе* стоит задача развить когнитивную историю философии, превратив ее в *когнитивную философию*, или в логику смысла в собственном, полном значении этого словосочетания.

Если традиционная философия в любой большой культуре, европейской или неевропейской, выстраивает линейный, одномерный универсализм, перетолковывая все инокультурные смыслы в единственной логико-смысловой перспективе (так поступает, например, аналитическая философия, так построено гегелевское видение истории философии и т.д. и т.п.), и если

¹¹ См.: Вольф М.Н. *Историография истории философии как модус аналитической истории философии* // Сибирский философский журнал. 2018. № 16 (2). С. 189–201; Берестов И.В., Вольф М.Н., Доманов О.А. *Аналитическая история философии: методы и исследования*. Новосибирск, 2019.

признание собственных и несводимых друг к другу вариантов исходной точки разворачивания каждой из философских традиций больших культур (т.е. исходного варианта связности) расширяет это представление до двумерного универсализма, т.е. до сообщества универсализмов, каждый из которых построен на собственном основании (так поступает когнитивная история философии), то когнитивную философию можно уподобить выстраиванию третьего измерения, позволяющего свободно передвигаться между любыми из выделенных универсализмов (любой из эпистемных цепочек) в любом направлении. То, что можно обозначить словосочетанием «когнитивная философия», и есть собственно логика смысла – «смысла» в том смысле этого слова, о котором говорила Л.Т. Рыскельдиева, и «логика» в том смысле, о котором говорили С.Ю. Бородай и К.А. Павлов-Пинус (и которая будет преодолением исходных логико-смысловых ограничений, фактически обозначенных В.И. Шалаком на примере попытки построить процессуальную логику в перспективе субстанциальных логико-смысловых презумпций).

Логика смысла, или когнитивная философия, способна, во-первых, дать полный отчет в собственных основаниях: почему она использует такие-то инструменты рациональности. Она способна, во-вторых, показать *то-же-инаковость* этих базовых инструментов в отношении других исходных вариантов связности, а значит, способна развернуть другие эпистемные цепочки, другие философские традиции, которые в таком случае становятся для нее неинаковыми. Это и есть сближение с другими культурами, экзистенциальная (Н.А. Касавина) *то-же-инаковость*, или (что то же самое) *неинаковость* Других, абсолютно инаковых постольку, поскольку они располагаются в иной логико-смысловой перспективе (Л.Т. Рыскельдиева). Это и есть свобода передвижения по логико-смысловой карте индивидуального сознания, а значит, открытие новых граней и новых возможностей как наук (В.К. Солондаев, К.А. Павлов-Пинус), так и понимания человека (В.А. Колев). Когнитивная карта больших культур человечества (об этом говорили А.В. Парибок, Р.В. Псху, С.Ю. Бородай) становится тогда обозначением маршрутов движения к идеалу всечеловеческого собирания человечества (А.Н. Данилов). Как уже говорилось, перспективным выглядит обнаружение нейронных коррелятов логико-смысловых закономерностей работы человеческого сознания. Если это будет сделано, к двум картам добавится третья – карта нейронных параллелей логико-смысловых закономерностей. Только так можно избежать иначе не разрешимой загадки сознания (почему сознание имеется в мире и откуда оно берется), которую в качестве эффемизма назвали «трудная проблема сознания». Построение и взаимное совмещение этих трех карт никак не противоречит тем исследованиям, перспективу которых нарисовал И.Ф. Михайлов, но позволяет поставить их в парадигму объяснения сознания, а не его редукции к машинным операциям.

Работы предстоит очень много. Перспективы, которые открывает продвижение по обрисованным линиям исследования, захватывают воображение любого, кто ищет пути к новым открытиям.

Список литературы

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 286 с.
- Берестов И.В., Вольф М.Н., Доманов О.А. Аналитическая история философии: методы и исследования. Новосибирск: Офсет-ТМ, 2019. 242 с.
- Бородай С.Ю. Язык и познание: Введение в пострелятивизм. М.: Садра: ЯСК, 2020. 799 с.
- Вольф М.Н. Историография истории философии как модус аналитической истории философии // Сибирский философский журнал. 2018. № 16 (2). С. 189–201.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1895. XLII, 629 с.
- Ал-Джабири М. Фикховый разум: легитимация легитиматора // Исламская мысль: традиция и современность. Религиозно-философский ежегодник. Вып. 2. М.: Медина, 2017. С. 273–300.
- Ал-Джабири М.А. Мы и наследие // Исламская мысль: традиция и современность. Религиозно-философский ежегодник. Вып. 6. М.: Медина, 2022. С. 419–444.
- Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 5 / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1966. 562 с.
- Капустин Б. Законодательство истины, или Заметки о характерных чертах отечественного дискурса о нации и национализме // Логос. 2007. № 1 (58). С. 103–137.
- Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М.: ЯСК, 2021. 445 с.
- Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1920. 82 с.
- Фролова Е.А. Дискурс арабской философии. М.: Садра: Языки славянской культуры, 2016. 311 с.

Logic of sense objectives (summing up the discussion)*

Andrey V. Smirnov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; “Purushottama” Centre for Indian culture and philosophy studies, Peoples’ Friendship University. 6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117196, Russian Federation; e-mail: public@avsmirnov.info

Short, middle and long-term objectives for the logic of sense are outlined. The short-term objective is, firstly, to sketch the logic-and-meaning map of the four big cultures of humankind (European, Arab-Muslim, South Asian and Far Eastern) producing the first description of the logics of sense manifold. This description will outline that variant of (1) power of judgment, (2) basic (indefinable) categories of the theoretical (philosophical included) discourse and (3) basic logical regulative principles that underlies that specific big culture and defines its “morphology” (Spengler) and all the stages of its epistemic chain (the most important of them being perception, speech and thought). Secondly, we need to sketch the logic-and-meaning map for the individual consciousness

* The article was prepared within the framework of the Agreement between the Ministry of Science and High Education of the Russian Federation and the Peoples’ Friendship University of Russia No. 075-15-2021-603: “Development of the new methodology and intellectual base for the new-generation research of Indian philosophy in correlation with the main World Philosophical Traditions”. This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

which is basically open to all possible kinds of the logic of sense, elaborating on the line of psychological studies developed by V.K. Solondaev. Thirdly, it is especially promising to discover the neural network parallels for the logic-and-meaning regularities of human consciousness activity and to map them. The three maps superposition is likely to suggest new interesting conclusions. The middle term objective is to develop the cognitive history of philosophy as an antipode to the analytic history of philosophy. The cognitive history of philosophy will study the development of philosophy in the big cultures and their sub-cultures as defined by the basic toolkit provided by the concrete variant of the logic of sense (that is, the variant of the power of judgment and of the set of basic categories and logical principles). The cognitive history of philosophy approaches the philosophical traditions of every big culture as, firstly, independent and irreducible to the philosophical discourse in any other big culture, and, secondly, as embedded in the system of that big culture and organically belonging to it. The long term objective is to make logic of sense and the cognitive history of philosophy converge to arrive at the cognitive philosophy which will discover the freedom of sense positing by virtue of mastering its regularities in full. The 'cognitive philosophy' is another name for the logic of sense in its completeness.

Keywords: logic of sense, cognitive history of philosophy, cognitive philosophy, big culture, cognitive experience of culture, big culture archive

For citation: Smirnov, A.V. "Zadachi logiki smysla (k itogam obsuzhdeniya)" [Logic of sense objectives (summing up the discussion)], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 108–122. (In Russian)

References

- Anderson, B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranении natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections of the Origin and Spread of Nationalism], trans. by V. Nikolaev. Moscow: KANON-Press-Cz Publ.; Kuchkovo pole Publ., 2001. 286 pp. (In Russian)
- Berestov, I.V., Volf, M.N. & Domanov, O.A. *Analiticheskaya istoriya filosofii: metody i issledovaniya* [Analytic History of Philosophy: Methods and Investigations]. Novosibirsk: Offset-TM Publ., 2019. 242 pp. (In Russian)
- Boroday, S.Yu. *Yazyk i poznanie: Vvedenie v postrelyativizm* [Language and Cognition. An Introduction to the Postrelative Theory]. Moscow: Sadra Publ.; YaSK Publ., 2020. 799 pp. (In Russian)
- Danilevskij, N.Ya. *Rossiya i Yevropa: vzglyad na kulturniye i politicheskiye otnosheniya slavyanskogo mira k romano-germanskomu* [Russia and Europe in Perspective of Cultural and Political Relation of the Slavic World to the German-Roman]. St. Petersburg: Tip. brat. Panteleevykh Publ., 1895. XLII, 629 pp. (In Russian)
- Frolova, E.A. *Diskurs arabskoy filosofii* [Arabic Philosophical Discourse]. Moscow: Sadra Publ.; YaSK Publ., 2016. 311 pp. (In Russian)
- al-Jabiri, M. "Fikhoviy razum: legitimatsiya legitimatora" [Mind and reason in fiqh], *Islamskaya mysl: traditsiya i sovremennost. Religiozno-filosofskiy yezhegodnik* [Islamic Thought: Tradition and Modernity. Yearbook of Religion and Philosophy], Issue 2. Moscow: Medina Publ., 2017, pp. 273–300. (In Russian)
- al-Jabiri, M. "My i nasledie" [We and our Legacy], *Islamskaya mysl: traditsiya i sovremennost. Religiozno-filosofskiy yezhegodnik* [Islamic Thought: Tradition and Modernity. Yearbook of Religion and Philosophy], Issue 6. Moscow: Medina Publ., 2022, pp. 419–444. (In Russian)
- Kant, I. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], Vol. 5, ed. by V.F. Asmus, A.V. Gulyga and T.I. Oizerman. Moscow: Mysl Publ., 1966. 562 pp. (In Russian)
- Kapustin, B. "Zakonodatelstvo istiny, ili Zаметki o kharakternyh chertah otechestvennogo diskursa o natsii i natsionalizme" [Legislation of the Truth, or Notes on the Distinguishing

- Traits of the Russian Discourse on Nation and Nationalism], *Logos*, 2007, No. 1 (58), pp. 103–137. (In Russian)
- Smirnov, A.V. *Logika smysla kak filosofiya soznaniya: priglashiye k razmyshleniyu* [Logic of Sense as a Philosophy of Consciousness (an Invitation to Discussion)]. Moscow: YaSK Publ., 2021. 445 pp. (In Russian)
- Trubetskoy, N.S. *Yevropa i chelovechestvo* [Europe and Humankind]. Sofiya: Rossijsko-bolgarskoe knigoizdatelstvo, 1920. 82 pp. (In Russian)
- Volf, M.N. “Istoriografiya istorii filosofii kak modus analiticheskoi istorii filosofii” [Historiography of the History of Philosophy as a Modus of the Analytic History of Philosophy], *Siberian Journal of Philosophy*, 2018, No. 16 (2), pp. 189–201. (In Russian)